

русского языкознания и белорусской филологии. Записи фольклорных текстов и материалы фундаментального издания Е. Ф. Карского «Белорусы» составили эпоху в развитии этнографии белорусского народа. В статье есть некоторые терминологические неточности (например, автор оперирует устаревшим термином «Московское государство» — стр. 163: в настоящее время в советской исторической науке принят более точный термин — «Русское государство»), но в целом работа правильно характеризует значение трудов Е. Ф. Карского в развитии белорусской этнографии.

Н. И. Гаген-Торн и А. И. Васина справедливо поступили; взяв в качестве предмета историографического исследования ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина, рассматривавшего этот метод как «спецификум этнографии по сравнению с другими историческими дисциплинами» (стр. 174), так как в одной статье невозможно раскрыть место и значение в истории этнографии этого крупнейшего этнографа, фольклориста и слависта широкого профиля. Жаль только, что авторы, детально показав границы и формы применения этого метода Д. К. Зелениным, этим и ограничились и не сказали о том, насколько жизнен сейчас метод Зеленина, выдержал ли он испытание временем, что именно из теоретического наследия Д. К. Зеленина принято на вооружение советской этнографией и фольклористикой и т. д.

Работа А. М. Астаховой о Н. П. Андрееве — это одновременно и дань благодарной соратницы памяти ученого, и подлинное историографическое исследование. Ярко и образно написанная, эта статья с особой остротой ставит вопрос о настоятельной необходимости и целесообразности переиздания известного в науке Указателя сказочных сюжетов. В настоящее время, как известно, ведется работа по изданию подобных указателей в международном масштабе: в этой работе участвуют и советские фольклористы. Новая, исправленная и дополненная (за счет вновь изданных собраний сказок, а также их переизданий) публикация Указателя Н. П. Андреева будет и лучшим памятником этому выдающемуся фольклористу, и показателем роста советской фольклористики.

Э. В. Померанцева в статье о теоретических взглядах Ю. М. Соколова правильно ограничивает себя изучением методологических и методических установок этого крупнейшего фольклориста, которые и в наши дни сохраняют свою остроту, свежесть и актуальность. Ю. М. Соколов был одним из первых ученых, стремившихся построить советскую фольклористику на прочной методологической базе марксизма-ленинизма: научный путь Ю. М. Соколова, правильно говорит автор, — это путь советской фольклористики за первую четверть века ее существования. Статья Э. В. Померанцевой — не первая историографическая работа о Ю. М. Соколове, и поэтому автору следовало бы точнее определить, что в творчестве этого ученого уже исследовано в историографическом плане и что предстоит сделать историкам в дальнейшем.

Статья В. П. Алексеева «Эволюционная идея происхождения человека в русской науке до Дарвина и проникновение в нее дарвинизма» включает выпуск. В ней автор убедительно раскрывает историю эволюционной идеи в России до и после Дарвина. Следует, однако, отметить, что конечная хронологическая граница анализируемого автором материала четко не определена. Почему работы С. М. Чугунова и И. И. Мечникова, написанные до 1917 г., выходят за хронологические рамки этой статьи? Ведь обычно хронологическим рубежом, отделяющим советскую науку от русской дореволюционной, мы считаем Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Редактура выпуска проведена умело и последовательно, проведена необходимая унификация сносок, стилистических недостатков мало. Правда, некоторые сокращения не раскрыты, а одна из аббревиатур (ЛГАОРСС) в списке сокращений раскрыта неверно, но это все — мелкие замечания, не снижающие общего весьма высокого научного уровня рецензируемого выпуска.

Нельзя не отметить в заключение, что коллектив, готовящий эти сборники, учел замечания, высказанные в рецензии на предшествовавший выпуск¹, и обратил особое внимание на историю советской этнографии и фольклористики 20—30-х годов, чем создал предпосылки для историографического изучения последующих периодов в истории нашей науки.

Рецензируемый выпуск — свидетельство роста и профессионального мастерства советских этнографов и фольклористов, успешно овладевающих методикой создания историографических трудов.

¹ См. «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 168—171.

Л. Н. Пушкарев

Л. А. Чибиров. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, 215 стр., 51 илл., таблицы I—XXIII.

За последние годы литература по этнографии осетинского народа обогатилась рядом исследований, в которых, наряду с другими основными чертами культуры и быта, рассматривается также и жилище осетин. К такого рода общим работам в первую очередь

относятся исследования Б. А. Калоева («Осетины», М., 1963), А. Х. Магомедова («Культура и быт осетинского народа», Орджоникидзе, 1968) и др. Но в этих работах, охватывающих основные элементы культуры и быта, жилище занимает подчиненное место.

Специальных же работ по жилищу осетин мало. В основном это — журнальные статьи. Среди них можно назвать работы Е. Т. Пчелиной «Дом и усадьба в нагорной полосе Южной Осетии», Н. Ф. Такоевой «Из истории осетинского горного жилища» и несколько других. Они представляют безусловный интерес, однако размеры журнальных статей ограничили возможность более или менее полного охвата темы. Имеется также интересная работа З. Д. Гаглоевой «Типы жилищ Южной Осетии», к сожалению, до сих пор не изданная и поэтому недоступная широкому кругу читателей.

Рецензируемая книга Л. А. Чибирова «Осетинское народное жилище» является по существу первым опытом специального монографического исследования этого важнейшего элемента культуры и быта в прошлом и настоящем. Она написана на материалах Южной и Северной Осетии, с учетом таких аспектов проблемы как история формирования осетинского жилища, его типологическая классификация, социальные и культурные функции жилища и т. п. Все это рассматривается в тесной связи с формой поселения.

Основной задачей исследования автор считает исследование осетинского народного жилища в процессе его исторического развития с учетом изменений, происшедших в результате социалистического преобразования быта, освещение семейного и общественного уклада и религиозных верований осетинского народа.

Автор считает несомненной генетическую связь современных осетин с далекими аланами. Поэтому он стремится в своем исследовании «...увязать вопросы этнографии осетин с историей и этнографией северокавказских алан» (стр. 5).

В предисловии к работе дается сжатый обзор истории проблемы этногенеза осетин, литература вопроса и определяются задачи исследования.

Весь первый раздел книги посвящен выяснению времени и условий расселения осетин на территории Центрального Кавказа, возникновения и распространения здесь осетинских поселений.

Автор считает, что наиболее ранние поселения осетин в Грузии восходят к XIII—XV вв., но к сожалению, не подтверждает это документально.

В следующей главе автор, основываясь, главным образом, на преданиях, рисует картину образования осетинских поселений на территории Южной Осетии. Очень интересен параграф, в котором рассматривается вопрос о происхождении названий поселений. Здесь же приводятся условия, которые определяли выбор места поселений. Главное значение при этом уделялось источникам воды, связи с хозяйственными удобствами, естественным условиям обороны; существовали и народные приметы, связанные с выбором места для селения.

Анализируя соответствующие данные, автор приходит к вполне обоснованному выводу, что селения горной Осетии давно потеряли моногенный характер, что родовые поселения здесь изжиты, как и в других районах горного Кавказа. Поэтому не совсем понятны употребляемые им в отдельных случаях термины «родовое поселение» (стр. 35, 36 и др.), «родофамильное» и «родовое кладбище» (стр. 63 и 64). Очень важно утверждение автора о том, что поселения в горной Осетии носили патронимический характер. Это положение, подробно разработанное на этнографическом материале для горных районов Центрального Кавказа, имеет принципиальное значение для правильного понимания особенностей культуры и быта народов Кавказа вообще. Дело в том, что патронимическая организация, представляя собой группу дочерних семей, образовавшихся в результате сегментации большой семьи, характеризовалась некоторыми чертами общности, в частности общей территорией, а также единством в некоторых сферах общественно-экономической жизни и идеологии. Патронимия, будучи поздним явлением, благодаря вышеуказанным чертам общности, проявляла внешнее сходство с родовой организацией. Очевидно, именно эта иллюзия и предопределила одно из величайших заблуждений кавказоведческой этнографии — «теорию» господства на протяжении всего XIX в. родового строя (в «полном расцвете» его) у большинства народов горного Кавказа. В результате буквально все путешественники и исследователи, подчеркивая высокий уровень общественно-экономического развития народов Кавказа вплоть до присвоения некоторым горским обществам эпитета «свободная республика», категорически утверждали тезис о наличии здесь даже в XIX в. родового строя в виде господствующей общественной силы.

Эта ошибка кавказоведческой этнографии, обусловленная чисто внешним сходством между родовым строем и патронимической организацией, к сожалению, до сих пор не преодолена полностью. Автору рецензируемой работы это обстоятельство, конечно, известно. Несмотря на это, он не совсем четко излагает свои позиции, когда дело касается определения характера горноосетинского поселения. Впечатление нечеткости создает применение им понятия «родовое поселение». Автор не совсем правильно понимает разницу между понятием «тип» и «форма» поселения. Он подчеркивает вслед за М. В. Витовым, что под первым подразумевается явление общественно-экономического порядка, а под вторым — прежде всего географического. Вместе с тем, свою типологическую классификацию он строит по принципу вертикальной зональности. «Зональный принцип типологии — по мнению автора — в условиях Осетии дает возможность резко очертить тип поселений, их отличие друг от друга.

В Осетии, как и в других районах горного Кавказа, на протяжении всего XIX в. господствующей формой поселения было патронимическое.

Между тем при рассмотрении типологии поселений с позиции уровня общественно-экономического развития, зональность, как географический фактор, не может иметь определяющего значения, а в силу этого не может быть положена в основу типологической классификации поселений.

Одна глава, к сожалению, короткая, посвящена жилому комплексу осетин. Она называется «Усадьба и двор». Автор весьма сжато рассматривает основные элементы жилого комплекса, называя его «усадьбой». Нам представляется спорным применение здесь этого термина, так как усадьба, как правило, предполагает наличие не только комплекса служб, но и определенных земельных угодий (сада, огорода), что в условиях высокогорной Осетии в большинстве случаев исключено.

В этой же главе приведены материалы о формах изгородей, калиток и ворот. Этот чрезвычайно интересный элемент хозяйственного быта почему-то основательно забыт этнографами.

Второй раздел монографии целиком посвящен жилищу осетин. В первой главе этого раздела дается история жилища народов Кавказа в свете данных письменных источников и археологии. В ней автор развивает правильную мысль об общности, которая была характерна еще в III тыс. до н. э. для жилищ народов Кавказа вообще. Довольно убедительно обоснован тезис о местном происхождении осетинской формы жилища (там же).

Однако недостаточно аргументировано положение о том, что галуан — тип жилища в Осетии, — вместе с башней является «древнейшим архитектурным памятником».

Описание таких башенных сооружений местами лишено полноты и конкретности, а в отдельных случаях не точно.

Желательно было бы глубже рассмотреть вопрос о хронологии памятников башенной культуры народов Кавказа. Автор, ссылаясь на следы использования огнестрельного оружия на башнях, заключает: «...сохранившиеся на башнях следы использования огнестрельного оружия не позволяют датировать их позже XIII—XIV вв.» (стр. 92).

Одним из основных разделов монографии является глава, посвященная типологии жилищ дореволюционной Осетии. В ней автор, справедливо критикуя существовавшие ранее классификационные системы, предлагает свою классификацию осетинских жилищ.

По мнению Л. А. Чибирова, дореволюционные осетинские жилища можно разделить на четыре группы: Первая — горное жилище наиболее архаическое из всех осетинских жилищ. Оно имеет четыре подтипа: с вертикальной застройкой и плоской крышей; с горизонтальной застройкой и плоской крышей, галуан в виде комплекса, состоящего из жилой и оборонительной башни и других сооружений, и, наконец, гаенах, т. е. дом-крепость. Вторую группу составляют бревенчатые дома. Она делится на два подтипа (срубные жилища со ступенчато-пирамидальным перекрытием и срубные же, но без него). В третью группу входят жилища равнинной Осетии (турлучные, кирпичные — из сырца и обожженного кирпича). В четвертую группу — подземные и надземные жилища.

Как видно, основа классификации осетинского жилища в принципе правильна, однако она не выдержана до конца. В одном случае жилища выделяются по ареалу распространения (горное и равнинное), в другом — по материалу (досчатые, кирпичные), в третьем — по расположению (подземные, надземные).

Высокой оценки заслуживает глава, посвященная строительному материалу и строительной технике, до сих пор недостаточно изученным. Именно этот раздел, содержащий разнообразные совершенно новые полевые материалы, открывает широкие возможности для установления параллелей в культуре и быту народов горного Кавказа.

Большой интерес вызывает параграф, содержащий ценные материалы автора по народным приметам и обычаям, связанным со строительством дома (начиная от выбора места для строительства вплоть до завершения строительных работ).

Наилучшее впечатление оставляет VI глава, в которой рассмотрены стадии развития жилища, обстановка и убранство. Главное место в этой части исследования занимает очаг. Автор здесь проявляет основательное знание фактического материала и умение осмысления его социальной сущности.

Заключительная глава книги посвящена современному осетинскому крестьянскому жилищу. Здесь читатель найдет обстоятельное описание развития жилища за годы Советской власти, изменений, происшедших в типе жилищ, в материале и технике, в убранстве и обстановке жилища, в архитектурном украшении современного жилого дома. В этой же главе говорится об индивидуальных хозяйственных постройках.

Под конец еще одно замечание принципиального характера. Дело касается транскрипции географических названий. Как известно, существует официальный источник — «Грузинская ССР. Административно-территориальное деление» (Тбилиси, 1960), в котором установлены наименования населенных пунктов по всем районам Грузии.

К сожалению, Л. А. Чибиров не придерживается принятой транскрипции. Например, он употребляет термины: *Сабаркчет* вместо *Сабарклет* (стр. 34), *Метех* вместо *Метехи* (стр. 39), *Тбет* вместо *Тбети* (стр. 46), *Цон* вместо *Цона* (стр. 44, 63, 78), *Зивлет* вместо *Зивлети* (стр. 30), *Накрепа* вместо *Накреба* (стр. 52, 65), и др. Это тем более необходимо подчеркнуть, что подобной упрека заслуживает не только рецензируемая работа.

Совершенно новый, в значительной степени оригинальный авторский материал, многообразные сравнительные данные из быта других народов горного Кавказа, выводы автора по вопросу о путях развития осетинского жилища, о его хозяйственных, социальных и культовых функциях — все это делает исследование Л. А. Чибирова значительным шагом в истории изучения осетинского жилища, имеющим большое значение для исследования жилых комплексов народов горного Кавказа вообще.

А. И. Робакидзе

А. А. Глonti. *Топонимические разыскания*. Вып. 1, Тбилиси, 1971, 108 стр. (на груз. яз.)

Рецензируемая книга, рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов филологических факультетов высших учебных заведений Грузии, состоит из двух частей: 1) «Топонимы и топонимика» (историко-филологическое исследование) и 2) «Топонимический словарь».

Автор показывает, как развивалась топонимика в Грузии. В течение ряда веков в грузинских литературно-исторических памятниках накопилось большое количество топонимических материалов. Начало их изучения связано с грузинским ученым XVIII в. В. Багратиони¹. Работы по сравнительной топонимии начались в XIX в. (Т. Багратиони, Н. Дадiani, Д. Бакрадзе, А. Цагарели и др.). В книге приведены примеры широкого использования топонимических материалов Грузии такими выдающимися учеными-кавказоведами, как академики М. И. Броссе, Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, Е. Такайшвили и др.

В последние годы ученые собирали и публиковали топонимы, изучали их структуру и генезис. В 1965 г. в газете «Коммунисти», органе ЦК Компартии Грузии, был поставлен вопрос о выработке единого плана работ в области топонимии. Однако, как отмечает автор, топонимические разыскания в Грузии пока еще ведутся недостаточно интенсивно.

В рецензируемом издании весь топонимический материал подразделяется на три «ряда»: микротопонимию, собственно топонимию и макротопонию. В первый «ряд» введены известные лишь ограниченному кругу местных жителей географические названия небольших пунктов, естественных или искусственно возникших объектов (речек, холмов, долин, ущелий, пашен, виноградников, чайных плантаций и т. п.). Собственно топонимия изучает названия более крупных географических пунктов: сел, местечек, городов, гор, небольших и средних рек, небольших озер, межрайонных пастбищ и т. п. И наконец, в третий «ряд» (макротопонимии) включены названия крупных географических объектов — государств, городов мирового значения, великих рек, морей, озер, океанов и т. п. (стр. 5).

В лингвистическом отношении, пишет А. А. Глonti, грузинская топонимия закономерно укладывается в рамки пяти моделей. Они приведены в рецензируемой книге в следующем порядке: 1) обычное слово-название; 2) топонимы, образованные с помощью специфических (топонимических) аффиксов; 3) топонимы, образованные по принципу словосочетания; 4) топонимы-композицы; 5) географические названия, связанные с именами выдающихся людей.

Автор приводит многочисленные примеры бытования нескольких названий одного географического объекта и пытается теоретически объяснить эти факты. Среди них специальный интерес представляет такое редкое явление, как два названия национальной столицы Грузии восточногрузинского «Тбилиси» и западногрузинского (мегрело-чанское, сванское) «Карти», производного от племенного названия восточных грузин «карти» (античные иберы). К сожалению, автор обошел молчанием существующее мнение, что второе название в древности бытовало и в Восточной Грузии².

Сравнительно много места уделено в книге гидронимам, которые, как справедливо отмечает автор, в специальной литературе исследованы слабо. А. А. Глonti приводит структурные формы грузинских гидронимов и дает их краткую, но обстоятельную лингвистическую характеристику. Заслуживает внимания историческая этимология названия одного из горных районов Восточной Грузии «Хевсурети», которое, по мнению автора, первоначально имело значение гидронима.

Отметим одну из затронутых в книге топонимических проблем, имеющую практическое значение. Речь идет о недопустимости перевода или калькирования топонимов. Автор считает, что они должны писаться по законам языка, которому принадлежат, мотивируя свою точку зрения тем, что иначе осложнится общение населения различных стран и народов. Это мнение, как представляется, выражено в чересчур категоричной форме. Общеизвестно, что топоним, как и всякое иностранное слово, трансформируется

¹ Автору рецензируемой работы принадлежит специальное исследование «Топонимические материалы грузинского историка и географа XVIII в. Вахушти Багратиони в свете новых записей», в сб. «Питання ономастика», Киев, 1965.

² См.: К. Г. Григолиа, Ахали Карглис цховреба, Тбилиси, 1954, стр. 74—76 (на груз. яз.).